

Дора Хельдт

Отпуск с папой

*Остроумный, светлый и озорной роман
мне было жаль, когда он закончился!*

Отзывы на сайте Amazon.com

Дора Хельдт Отпуск с папой

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8373004
Отпуск с папой: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086513-0*

Аннотация

Что нужно сделать женщине, чтобы испортить отпуск на море?

Согласиться, чтобы компанию ей составил собственный отец.

Он стар, у него ужасный характер, кипучая энергия, железобетонная уверенность, что он все знает лучше всех, и манера обращаться с дочерью так, будто она – девчонка-подросток, нуждающаяся в постоянном контроле.

В результате походы на пляж сменяются бесконечной рутинной, каждую сигаретку приходится выкуривать тайком, а бурный роман с мужчиной ее мечты обращается в фарс. Почему? Просто папаша вбил себе в голову, что обаятельный поклонник дочери – брачный аферист. К слезке за коварным злодеем он подключил всех своих приятелей – неутомимых пенсионеров...

Содержание

«Ночной телефонный звонок»	4
«О, мой папа»	6
«Несется поезд в никуда»	10
«Созревший для острова»	16
«Такой человек»	26
«Вот, начинается веселье»	33
«Друг, хороший друг»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дора Хельдт

Отпуск с папой

Роман

*Моему отцу, который иногда нуждается в скамеечке для ног,
и моей матери, у которой с коленями все в порядке.*

«Ночной телефонный звонок»

Х. Зайтл

– Это ведь всего две недели.

Мамин голос звучал дружелюбно и в то же время решительно. Уже в самом начале разговора у меня появилось нехорошее предчувствие.

– И это твой отец. Другие дети радовались бы.

– Мама, при чем тут «другие дети»? Мне сорок пять!

Я могла бы и не принимать участия в разговоре. Моего ответа мама не заметила.

– Я сказала ему, что вам понадобится его помощь, ведь нанимать рабочих на островах так дорого. И они творят что хотят, особенно когда никто не стоит над душой. А он сможет приглядывать за работами. Он так хочет быть полезным.

Сейчас я должна что-нибудь произнести.

– Мама, подожди. Я еду на Нордерней, чтобы помочь Марлен с ее пансионом и ремонтом пивной, я же не могу еще и с папой...

– Ах, да тебе не придется о нем так уж сильно заботиться, он все сделает сам. Вы же обедать все равно будете, приготовите и на его долю. На ужин ему нужно совсем немного, а пирог для послеобеденного десерта можно и купить, Марлен не придется специально для него печь.

Я спросила себя, с каких это пор мой отец все делает сам? Последний раз я приезжала к родителям шесть недель назад, и тогда все было по-другому. Абсолютно. Я постаралась не выдать голосом растущую в душе панику.

– Мама, мне кажется, это не очень хорошая идея, я...

– Кристина, я никогда тебя ни о чем не просила. Это безвыходная ситуация. Мне придется остаться в клинике на две недели, Хайнц не сможет все это время просидеть дома один.

– Я думала, он все умеет.

– Но не готовить, стирать и все такое. Послушай меня. Это твой отец. И ты отличнейшим образом можешь взять его с собой на две недели. Ты же свободна. Ну, не ломайся. И он все равно хотел съездить на Нордерней.

– Но я вообще не смогу им там заниматься. И как...

– Да все будет в порядке. К тому же на Нордернее живет Калли, ты знаешь, старый папин друг. Он будет ходить к нему в гости.

– Он мог бы и пожить у них.

– Кристина, прошу тебя! Ханна на материке. Ее младшая, Катарина, вот-вот должна родить второго. От вас с сестрой этого не дождешься.

Только матерям удается так менять тему разговора.

– Мама, мне...

– Вот именно. Значит, договорились. Папа в будущую субботу приедет в Гамбург, ты встретишь его на вокзале, и вы вместе поедете на Нордерней. Он не разбирается во всех этих паромах и прочем. Так что лучше тебе быть рядом. А я смогу спокойно лечь в больницу и прооперировать свое колено.

Мой последний шанс:

– Давай спокойно все обсудим, это не вариант, я...

– Не переживай, деточка. Все важное я тебе запишу и пришлю. Ну все, приятного тебе вечера, и передаю привет от папы. Он очень рад. Пока.

Я устала на дисплей телефона. Соединение завершено. Похоже, вопрос решенный. Мне придется провести отпуск с отцом. Впервые за тридцать лет. Последняя наша совместная поездка закончилась тем, что он из педагогических соображений оставил меня на турбазе в Касселе. У меня был тяжелый пубертатный период, я признаю, но бросить меня в Касселе – это слишком круто. Даже при том, что через полчаса он за мной вернулся и потом три недели терзался муками совести. И вот теперь, тридцать лет спустя, нам предстоит пройти это снова. По крайней мере на сей раз мы поедем не через Кассель.

«О, мой папа»

Л. Ассиа

Мой брат описал нашего отца так: «Глаза, как у Теренса Хилла, а сам трусливый, как Ринтиндамба». Последний – пугливый пес Счастливчика Люка Ринтиндамб, тощая дворняга, которая при каждом незнакомом звуке, при появлении нового человека, при любой перемене от страха тут же прыгает на колени к хозяину. Мой отец, конечно, на колени ни к кому не прыгает, для этого он слишком хорошо воспитан и, уж естественно, не так глуп, как это животное, но глаза у него и вправду голубые. Определение не столь уж и плохое.

Поднимаясь по лестнице в квартиру Доротей, я думала, как бы попривлекательнее изложить ей новые аспекты нашей поездки. Мы с Доротеей знакомы лет пятнадцать, она знает всю мою семью, сама фраза «Хайнц едет с нами на Нордерней» скажет ей все. Мне надо убрать из этой фразы весь ужас; в конце концов, мы так радовались этим двум неделям, и мне не хотелось бы, чтобы моего отца считали обузой, хотя, к сожалению, так оно и есть. Я про себя формулировала предложения: «Доротей, представляешь, Хайнц едет с нами, ну разве это не чудесно?» Нет. Не пойдет. «Привет, Доротей, моей матери наконец назначили операцию на колене, ты не против, если Хайнц поедет с нами на Нордерней? К сожалению, он не в состоянии сам о себе позаботиться». Тоже не годится. «Доротей, ты ведь знаешь и любишь моего отца. Как тебе идея взять его с собой на Нордерней, чтобы он не трепал нервы моей матери в больнице?» Великолепно. «Доротей, я тут подумала, что Хайнц мог бы нам помочь с ремонтом пансиона Марлен, я хотела бы взять его с собой». Нет, в это она не поверит. «Доротей, скажи, пожалуйста...»

Дверь квартиры открылась, передо мной стояла Доротей с корзинкой для покупок в руках.

– Привет, Кристина, я как раз собиралась за...

– Мы берем с собой Хайнца.

Не так уж хорошо сформулировано. Доротей наморщила лоб.

– За покупками?

– На Нордерней.

– Какого Хайнца? Твоего?...

– Да, именно его.

– С собой? К Марлен? В субботу?

– Да.

Я ждала взрыва, изумленного взгляда или судорожного вопля, но ничего этого не случилось. Доротей невозмутимо поставила корзину для продуктов и вернулась в квартиру. Я прошла за ней в кухню и увидела, что она начала готовить чай. Насвистывая. Я узнала мелодию песни «О, мой папа» и принялась объяснять:

– Мне только что позвонила мама. Ей ставят искусственный коленный сустав, и неожиданно освободилось окно для операции, кто-то там отказался. Моя тетя уехала в отпуск, сестра плавает на яхте в Дании, брат в командировке, словом, я единственная, кого она сумела достать. Ты же знаешь моего отца, он не сможет две недели оставаться один. Он даже не представляет, как варят кофе. Не говоря уж о картошке. Или о яйце. Кроме того, он дальтоник, и если за ним не приглядеть, одевается соответственно.

Я задумалась, что бы еще сказать, не слишком его пороча. Это было непросто, Доротей не должна думать о нем чересчур плохо; с другой стороны, у него такие привычки, которые, мягко говоря, не совсем обычны.

– Мне твой отец кажется забавным.

Я сглотнула. Это слово я бы не выбрала. Доротея налила кипяток в заварочный чайник и повернулась ко мне.

– Хайнц еще довольно бодр. И если он хочет помочь, очень мило. Надеюсь, это его не слишком утомит.

Это его-то не слишком утомит?

Доротея поставила заварочный чайник на стол и достала из шкафа чашки.

– Не делай такое обеспокоенное лицо. Мы будем следить, чтобы он не перенапрягался.

– Доротея, ты не понимаешь. Я скорее беспокоюсь, что он утомит меня. Он может быть довольно навязчивым. Он ни на что не способен сам, его нужно занимать, он всегда во все встает, всегда все знает лучше всех, боится всего нового, он...

Тут я прикусила язык, об этом я вообще-то не хотела говорить. Я очень люблю отца. Особенно – в трех часах езды. Или в присутствии мамы. Или за чашкой кофе. Но две недели в чужой квартире рядом с ним, в трех часах езды от матери, которая в гамбургской клинике будет заниматься своим коленом, могут привести ко всяким неожиданностям. Однако Доротея этого не понять. Доротея придется это пережить. Я размешала сахар в чашке и взглянула на подругу:

– Ну да, может, все и в самом деле обойдется без проблем, и Марлен будет рада его помощи.

Я не верила ни одному своему слову. Доротея кивнула:

– Вот видишь. Я в любом случае рада этим двум неделям, даже с Хайнцем. Будет интересно, правда?

Я неохотно кивнула. Уж в этом можно не сомневаться.

Моей подруге Марлен достался старый пансион с пивной на острове Нордерней. Им много десятилетий владела ее тетка, год назад на пороге семидесятилетия решившая, что наконец-то надо пожить в свое удовольствие. Движущей силой в реализации этих планов оказался Хуберт, семидесятичетырехлетний вдовец из Эссена, который двадцать лет был в ее пансионе почетным гостем, из них восемнадцать лет с супругой, а потом уже без одной. Тетя Теда рассказала своей племяннице, что Хуберт открылся для нее совсем с другой стороны, «такой любитель приключений оказался, ты не поверишь», и сделал давно знакомой хозяйке пансиона страстное признание в любви. Жениться еще раз он не хочет, предупредил он, это все глупости, а намерен поехать с Тедой по свету, на Зюльт, на Майорку, потом, быть может, в Америку. Теда была польщена, но отреагировала сдержанно.

В том же разговоре Марлен сообщила тете, что рассталась со своим другом, с которым они вместе держали пивную. Сочувствие тети не стало чрезмерным, она отметила новость такой фразой: «Но это же прекрасно, ты приедешь на пару месяцев на Нордерней, будешь управляться с пансионом, я попробую устроить жизнь с Хубертом, а тебе больше не придется видаться с тем придурком. А пивная есть пивная, ты сможешь и тут работать».

Все вышло как надо, Теда и Хуберт были друг от друга в восторге, Марлен от Нордерней, а постояльцы пансиона – от Марлен. Хуберт предложил Теде обустроить ей небольшую квартиру в пансионе, а остальные строения вместе с пивной переписать на Марлен. Бывший бойфренд Марлен выплатил ей ее долю, и она тут же вложила деньги в ремонт пивной. Он почти закончился, через три недели новый бар должен был открыться.

Мы с Доротеей взяли на это время отпуск, Марлен сняла для нас квартиру, предполагалось, что по утрам мы будем помогать ей с ремонтом или в пансионе, после обеда валяться на пляже, а по вечерам пить белое вино в «Молочном баре» или в «Белой дюне». Вот такой был план. До сего дня.

Я набрала номер Марлен.

– «Дом Теды». Меня зовут де Фриз, добрый день.

– Привет, Марлен, это Кристина.

– Только не говори, что вы не приедете. Пансион набит битком, рабочие копаются с ремонтом, а одна моя помощница загнала в ногу ракушку. Теперь из помощников у меня только Геза. Я совсем закрутилась. На выходных обещали быть Теда с Хубертом, но они собираются только смотреть, как я справляюсь, а не помогать, в конце концов, они пенсионеры. Теперь говори, что собиралась, но помни, пожалуйста: я на грани нервного срыва.

Если бы она произнесла все это без смеха, я бы ей поверила. К тому же это было отличное вступление. Я постаралась, чтобы мой голос звучал нейтрально:

– В таком случае ставлю тебя перед фактом: я беру Хайнца с собой. Ему нужна только кровать. И компания для игр. И горячая пища раз в день. И какое-нибудь дело. И пшеничное пиво время от времени. Что скажешь?

– Ты берешь с собой отца? Серьезно? Как это пришло тебе в голову?

– Мне?! Эта грандиозная идея принадлежит моей матери. Ей на следующей неделе ставят в Гамбурге искусственный коленный сустав. Сначала запланировали на октябрь, но появилась возможность сделать это сейчас, и она хочет ею воспользоваться. И ее можно понять. Но моя тетка в отпуске, соседи, с которыми они дружны, – в Норвегии по линии Красного Креста, и обе мои кухни тоже заняты, поэтому об отце придется позаботиться мне. Альтернативным решением было бы отправиться на Зюльт и там его обихаживать, но тогда пришлось бы отказаться от поездки к тебе, а я этого не хочу. Словом, мама сказала ему, что мы будем рады его помощи, к тому же на Нордернее у него живет друг. Папа хоть и нехотя, но согласился и сейчас воображает себя нашим спасителем. Вот вкратце какая сложилась ситуация.

– Но это совсем не так плохо. Я не очень хорошо знаю твоего отца, но он всегда готов помочь и производит впечатление человека, полезного во всяком деле.

У меня вырвался нервный смешок. О да, впечатление он производит именно такое.

– Ты что там, кашляешь? Как бы то ни было, у меня для вас столько дел, что и он сможет чуть-чуть побыть спасителем. Даже если просто возьмет на себя Хуберта. Он так меня бесит, все знает лучше всех и во все лезет.

– Эти двое понравятся друг другу.

– Таким ужасным, как Хуберт, Хайнец быть не может. Ну хорошо, я сообщу хозяйке квартиры, что вас будет трое. Она поставит еще одну кровать к тебе в комнату, там только две спальни. Но это ничего, как-нибудь устроитесь. Я рада, что вы приезжаете, ты сможешь по утрам помогать мне в пансионе, а Доротея будет очаровывать рабочих.

Мы закончили разговор, и я представила себе, как лежу на топчане, а папа ищет в телетексте результаты игр «Гамбурга».

Прекрасно, Хуберту мало не покажется.

Лист/Зюльт, 10 июня

Дорогая Кристина!

Я только что собрала чемодан для больницы, ведь на две недели требуется уйма вещей. Я купила себе шесть новых ночных сорочек, красивых таких, с колечками и еще одну с сердечками, очень миленькую. Правда, Агнес, ну, ты знаешь, с Зюдехорна, третий дом слева, так вот ей в прошлом году тоже поставили искусственный сустав, и она говорит, что с третьего дня все равно уже нужно надевать леггинсы. Ну и пусть, думаю, ночные рубашки и тебе подойдут, я ведь не ношу их вообще-то. Заберешь, когда в следующий раз будешь на Зюльте.

Ну а теперь – о главном. Я сказала папе, что ему придется помогать Марлен, не все время, а один-два часа в день, быть может. Ты же знаешь, какой он, когда сидит без дела. Что-нибудь придумаю для него. Не забудь,

ему нельзя поднимать тяжести, у него бедро побаливает, и на лестницы забираться он не может, у него кружится голова. Если поручите ему что-нибудь красить, следи за ведрами с краской, ты помнишь, что он – дальтоник. Он, кстати, на прошлой неделе выкрасил гостевой туалет в бирюзовый цвет, думал, что это бледно-голубой, но ничего, привыкнем. Я надеюсь, во всяком случае. Не выходи из себя, если он что-то сделает не так, он хочет как лучше и легко обижается.

Раз в день ему нужно поесть горячего, он страдает изжогой, поэтому ничего острого, мало соли и никакой капусты. Жирного тоже нельзя. Ничего молочного или мучного, а то он будет плевать. А сказать он не осмелится. После обеда он любит попить кофейку с выпечкой. Только не торт и никакой вишни. И кофе без кофеина. Если чай, то только фруктовый, от черного он плохо спит.

Будь добра, приглядывай, в чем он выходит на люди. Он не различает цветов, да и со вкусом у него плоховато, не позволяй ему ходить бог знает в чем.

Он любит гулять, если у вас не будет времени пройтись с ним, нужно дать ему с собой мобильный телефон и включить его, в чужих местах он не очень хорошо ориентируется. Спрашивать прохожих он тоже не любит. Я о чем-то забыла?

Мне кажется, все. Он договорился с Калли о встрече, может, ты сумеешь его туда отвезти, я, правда, не знаю, есть ли у него адрес Калли. За твоим отцом просто ухаживать, во всяком случае, никаких лекарств он с собой не берет, разве только что-нибудь от изжоги.

Словом, желаю вам хорошего отпуска, присматривай за отцом, он еще ни разу никуда не уезжал один. Все устроится.

Всего хорошего,
мама.

Я сложила письмо и тяжело вздохнула. Я не ношу ночных сорочек. И я опасаясь за свой отпуск.

«Несется поезд в никуда»

К. Андерс

Через неделю я стояла на Центральном вокзале Гамбурга и смотрела на путь 12а, на который через сорок минут должен был прибыть «Интерсити» из Вестерланда. Я заняла пост у эскалатора, ведущего к перрону, именно так я и объяснила отцу в нашем телефонном разговоре.

– Сходишь с поезда и идешь направо, в сторону фойе. Там только один эскалатор, поднимаешься наверх, и с правой стороны буду стоять я.

– Да-да, я тебя найду, я же не в маразме. Единственное, чего я никак не могу понять, так это почему за одно и то же расстояние, Вестерланд – Гамбург, такие разные цены. Региональным поездом было бы намного дешевле.

– Папа! Ты же сам не захотел делать пересадку в Элмсхорне и жаловался, что поезд из Норд-Остзее всегда опаздывает.

– Так и есть. Если опоздание большое, тебе дают талон. Скажи, и что мне делать с этим талоном? Полная чушь.

– Поэтому ты едешь на «Интерсити». В общем, счастливого пути и до завтра.

– Не опаздывай, я ненавижу долго ждать. С такими драконовскими ценами поезд должен прибыть вовремя.

На всякий случай я выехала на вокзал за час, хотя на дорогу требовалось всего десять минут. Но я боялась, что какая-нибудь авария, пробка, полицейский контроль или отсутствие мест на парковке в самом начале приведет к хаосу, поэтому решила приехать пораньше. Навернув вокруг привокзальной площади семь кругов, я выискала свободное место у входа. Небеса были за меня, мой папа не любит ходить.

Еще тридцать пять минут.

Мой отец не любит ездить. Мало этого, он не любит чужие места. И этого тоже мало. Он ненавидит покидать Зюльт. Не только остров, но и свою кровать, свое место за обеденным столом, свой утренний моцион к порту за газетами, своих соседей, свой сад, свой диван. Он не любит слежавшиеся в чемодане рубашки, полотенца и постельное белье, которым до него кто-то пользовался, ест только то, что знает, и старается не менять привычный распорядок дня. Не представляю, как матери удастся единожды в год по меньшей мере вывезти его с острова, а самое главное, не знаю, что она ему наговорила и наобещала в этот раз, чтобы усадить его в поезд. Да и знать не хочу.

Еще двадцать пять минут.

В горле пересохло. Когда я волнуюсь, мне ужасно хочется пить. Позади меня был ларек с колбасками и напитками. Я купила банку колы, не потому, что люблю ее, просто папа раньше запрещал нам ее пить. Когда я была маленькой, он демонстрировал ее вредность для здоровья, замачивая на ночь в стакане с колой мармеладного мишку. Наутро там плавал бесформенный кусок фруктового мармелада, который он мне торжественно показывал: «Вот так выглядит твой живот изнутри после этой дряни. К тому же от колы глупеют». Я очень долго ему верила. Чувствуя себя бунтаркой, я смяла пустую банку из-под колы и выбросила ее в урну. Разумеется, не в ту, рядом с которой стояла. На всякий случай.

Еще десять минут.

Когда я вернулась на свой пост, о себе напомнил мочевого пузыря. Пить колу было идиотской идеей, тренированный организм желал немедленно от нее избавиться. Туалет находился в конце перрона. Надо бежать бегом, возможно, все кабины заняты, придется ждать, потом нестись обратно, а времени в обрез. Я решила терпеть.

Еще три минуты.

Переминаясь с ноги на ногу, я услышала сообщение: «Внимание! «Интерсити 373 – Теодор Шторм» Вестерланд – Бремен, по расписанию прибывающий на путь двенадцать «а» в тринадцать часов сорок две минуты, задерживается на десять минут».

Я знала, что так будет. Мочевой пузырь усилил давление. Я представила, как отец, поискав меня глазами, немедленно садится в ближайший поезд, идущий на север, услышала его фразу «Кристины там не было» и увидела глаза матери. Я решила терпеть.

Потом прибыл поезд. Подошел, шипя и мелькая, двери раскрылись, стали выходить первые пассажиры. Он был в середине перрона, в красной ветровке, джинсах и синей кепке. Я увидела, как он вытаскивает из вагона огромный чемодан и ставит его в метре от края платформы. Я принялась махать ему, но это было лишним. Отец и взглядом не одарил окружающее. Он прижал к груди рюкзак и уселся на чемодан, лицом точно в противоположном от меня направлении. Я продралась сквозь идущий навстречу людской поток и, запыхавшись, остановилась перед ним. Он посмотрел на меня снизу вверх.

«Глаза, как у Теренса Хилла», – подумала я.

– Как можно находиться в таком бедламе?

Голос был обиженный.

Вел он себя, как Ринтиндамб.

– Привет, папа, я же тебе объяснила: идешь направо, в сторону фойе, по эскалатору наверх, и там справа буду стоять я.

– Впервые слышу. – Он встал и отряхнул брюки. – Ну, ты представляешь? Поезд опять опоздал. Ты не знаешь, когда они раздают эти талоны?

Я попыталась забрать у него рюкзак, но он держал его крепко.

– Я сам понесу, спасибо. При каком опоздании они выдают эти талоны?

– Не за десять минут, уж конечно. Дай мне, пожалуйста, рюкзак, я тоже могу что-то нести.

Он повернулся в сторону эскалатора.

– Да, возьми чемодан, мне с моим бедром нельзя ничего таскать.

Подняв чемодан, я едва не испустила дух. Я поставила чемодан на перрон и попыталась потянуть его за собой.

– Папа, подожди, а что с колесиками?

Отец остановился и нетерпеливо посмотрел на меня:

– Они отвалились, но на две наших поездки сойдет и так. Ну, пошли.

Я, скособочившись, потащила за ним чемодан, стараясь контролировать дыхание.

– А кто... нёс... его... там... Мама?

– Чушь.

Без дальнейших объяснений он широкими шагами пошел к эскалатору. Говорить мне удавалось с трудом.

– Скажи... что там... у тебя?

Его ответ я едва разобрала, потому что он бежал впереди и даже не обернулся.

– Дрель, аккумуляторный шуруповерт и так, по мелочи, всякое барахло, я не могу работать с чужим инструментом.

Поднявшись наверх, мне пришлось поставить чемодан, терпеть было уже невозможно. Я ухватила отца за рукав.

– Пстой минутку... мне очень нужно... в туалет. Пстой, пожалуйста... возле чемодана... я постараюсь... побыстрей.

– Можно было бы сделать это и заранее. Так всегда происходит, когда оставляешь все на последний момент.

– Да, да...

Мне было уже все равно, я рванула в туалет.

Сначала пришлось разменять мелочь, потом пропустить вперед трех дам, стоявших передо мной в очереди, и все же процедура не заняла и пятнадцати минут. Вернувшись, я обнаружила на прежнем месте только чемодан, правда, рядом с ним топтались два полицейских в черно-синей форме. Один из них возбужденно говорил что-то в переговорное устройство, я разобрала только «...бесхозный... нужна собака... оцепление», и меня прошиб холодный пот. И тут я увидела отца. Он стоял в пяти метрах, ел хот-дог и с интересом наблюдал за происходящим. Как и некоторое количество зрителей, которых становилось все больше. Полицейский, к которому я стремительно кинулась, оборонительно поднял руку. Я попыталась успокоить его приветствием.

– С чемоданом все в порядке. Это наш, я просто пошла в туалет.

Я бросила на отца гневный взгляд, но он в это время отвернулся. Второй полицейский опустил переговорное устройство и грозно посмотрел на меня:

– Что это значит? Вы оставляете багаж без присмотра и отправляетесь в туалет? Как вам пришло это в голову? Вы ничего не слышали о мерах безопасности? Или о терроризме?

Второй полицейский шагнул ко мне. Настроение у него было не лучше.

– По-моему, я брежу! Вы чуть было не стали причиной закрытия центрального вокзала и возвращаетесь назад, как ни в чем не бывало? В голове не укладывается!

Злорадно-любопытствующие лица окружающих нас зевак добились меня окончательно.

– Папаааа!

Крик получился пронзительный и слегка жалобный. Полицейские многозначительно переглянулись. Кое-кто из зевак сочувственно покачал головой. Я, пытаясь сохранять спокойствие, ткнула пальцем в сторону отца, который безучастно смотрел на меня, слизывая при этом с пальцев датский майонез.

– Это мой отец. Это его чемодан. Он должен был за ним приглядывать. А теперь он ест хот-дог. При чем тут я?

Какая-то женщина посмотрела сначала на меня, потом на отца, затем на свою спутницу и громко сказала:

– Либо под наркотой, либо пьяные. Фу, пойдём отсюда!

Мы пробыли с отцом в полицейском участке вокзала примерно десять минут. Чтобы нас довольно немилостиво отпустили, пришлось открыть чемодан, еще раз дать объяснения и заплатить пятьдесят евро в вокзальную кассу.

Я вся кипела. Отец продемонстрировал им свой номер «я плохо слышу, мне трудно ходить, и я совершенно оторванный от жизни островной житель», он якобы вообще ничего не понял, ему так неприятно. Еще и дочка внезапно исчезла, и это не в первый раз. Я волокла за собой чемодан так, будто он был на колесиках, что производило адский грохот. Отец бросил на меня осторожный взгляд.

– Но это... в самом деле...

– Папа, если ты скажешь еще хоть слово, я просто брошу тебя здесь вместе с твоим дурацким чемоданом!

Следующие несколько минут отец действительно молчал, если не считать фразы «А с местами для парковки здесь неплохо», которую я проигнорировала, потому что в это время запикивала чемодан в багажник, а потом хлопнула дверцей громче, чем нужно. Папа вздрогнул, что пошло мне на пользу.

Мы сели в машину. Заводя мотор, я, не глядя на отца, сказала:

– А теперь мы едем к Доротее.

Ответить мне папа, очевидно, не рискнул.

Датчик внешней температуры показывал двадцать пять градусов, небо сияло голубизной, погода стояла самая что ни на есть отпускная. А папа с дочкой сидели в машине в злобном молчании. Я искоса бросила на отца осторожный взгляд. Никто не сумел бы лучше его принять такой подавленный вид. Он вертел в руках свою кепку, молния ветровки была застегнута до самого верха, на лбу блестели капли пота. И мне опять стало его жалко. Каждый раз одно и то же. Он ведет себя невыносимо, я злюсь, а в итоге чувствую себя виноватой. И всегда делаю первый шаг.

– Тепло, правда? Почему ты не снял куртку?

Он ответил мне ясным взглядом.

– У нас было слишком мало времени. Я потерплю.

Через несколько метров у обочины нашлось свободное место для парковки. Я припарковалась и заглушила мотор. Папа оглянулся.

– Здесь живет Доротея? Местечко так себе.

– Она здесь не живет. Я остановилась, чтобы ты мог снять куртку.

Он посмотрел на меня сияющими глазами:

– Это так мило!

Пока он отстегивал ремень безопасности, выбирался из машины, снимал куртку, аккуратно укладывал ее на заднее сиденье, снова усаживался и пристегивал ремень, я решила больше не вспоминать эпизод с чемоданом.

Отец облегченно вытер лоб.

– Да, так лучше. Однако очень тепло. Думаю, это оттого, что город загазован. Вся эта жара. На Зюльте полицейские не ходят в черном. Они вообще мне не нравятся, слишком уж грозные на вид.

Я поискала какой-нибудь радиоканал и сделала звук погромче.

Доротея закрывала свою машину, когда мы въехали на парковку перед ее домом. Она с улыбкой пошла нам навстречу.

– Вот и вы наконец! Я ждала вас полчаса назад. Неужели поезд опоздал?

Она обняла сначала моего отца, потом меня. Через ее плечо я бросила на отца предостерегающий взгляд. Он успокаивающе кивнул:

– Разумеется, поезд опоздал, но недостаточно, чтобы получить талон на компенсацию, да я бы все равно не смог им воспользоваться, а потом нас...

Я перебила:

– Ну вот, сейчас выпьем кофе и погрузим вещи. Мы поедем на машине Доротеи, у нее багажник больше. И нам вскоре пора выезжать, иначе мы опоздаем на паром.

Доротея переводила взгляд с отца на меня и обратно.

– Кофе готов. Скажи, пожалуйста, Хайнц, тебе нужно поесть горячего или достаточно пирога?

– Я перехватил на вокзале булочку с сосиской, там еще был такой спектакль...

– Пойдем, папа, – подтолкнула я его к дому. – Давай сначала выпьем кофе.

Спустя полчаса Доротея уже в который раз утирала слезы от смеха, но безрезультатно, потому что стоило ей только взглянуть на меня, как она прыскала снова. Связно говорить она не могла.

– Ах, Хайнц, у меня так и стоит перед глазами эта картина: Кристина, окруженная черными полицейскими, под дулом автоматов. И свора лающих овчарок. И ее физиономия. И ты, спокойно жующий хот-дог. Я сейчас лопну от смеха!

Она прямо-таки сгибалась пополам. Хайнц-Иуда тоже смеялся. Мне лично эта история, рассказанная в десятый раз, уже не казалась смешной. Впрочем, в первый раз тоже. Я встала.

– Они были без автоматов, без собак, и вообще нам пора двигаться, если мы хотим попасть на паром. Давайте закроем на этом тему.

Доротея хихикнула. А отец сказал ей:

– Она очень славная, но иногда любит подпортить музыку.

Я заставила себя промолчать.

Вскоре я уже открывала дверцу багажника «комби» Доротеи на парковке у дома. Перед машиной стояли четыре огромных дорожных сумки, три больших матерчатых кошелки, корзина с едой и чемодан-инвалид. И рядом Доротея с моим отцом. По их виду нельзя было сказать, что они вообще собираются дотрагиваться до вещей. Я посмотрела на них:

– Ну что? Давайте грузить вещи?

Папа, обороняясь, поднял руку.

– Деточка, я не могу, у меня бедро. Ты же знаешь. Чемодан для меня слишком тяжелый.

А Доротею снова разобрал смех:

– А я все еще не в силах спокойно на него смотреть!..

На секунду я закрыла глаза. Мне не хотелось раздражаться, у меня был отпуск. Поднатужившись, я подняла чемодан и запихнула его в глубь багажника. Доротея подала мне свои сумки, я поставила их рядом с чемоданом. Моя первая сумка вошла с трудом, вторая не вошла вовсе, все остальное осталось стоять возле машины.

– Думаю, чемодан тебе надо было положить вдоль багажника. Поперек – не получится.

– Спасибо, папа.

Я снова вытащила сумки, развернула чемодан, и меня прострелила боль в седалищном нерве. Я застонала. Папа схватился за чемодан и подвинул его еще на сантиметр.

– Вот так. – Голос у него был слишком уверенный. – Вот так гораздо лучше.

Теперь три сумки встали рядом, а четвертую я взгромоздила на них. Багажник не закрылся. Папа сдвинул верхнюю сумку, впихнул две из трех кошелок и склонил голову набок.

– Вам действительно нужно было брать с собой столько вещей? На острове требуются только джинсы и куртка на случай дождя.

Я не ответила, снова вытащила дорожные сумки, положила все матерчатые кошелки на чемодан, пристроила сверху корзину и спросила у Доротеи, где наши куртки. Пока она за ними ходила, я подпирала корзину, чтобы конструкция не развалилась. Доротея вернулась с двумя куртками, двумя плащами и тремя бутылками вина.

– Это для Марлен.

Я запихала бутылки и куртки в свободное пространство и попыталась осторожно закрыть крышку багажника. Удалось, с миллиметровой точностью.

Я гордо повернулась.

– Ну?

– Ты забыла одну сумку.

– Нет, папа, я не забыла, мы положим ее на заднее сиденье. Там достаточно места.

– Я не хочу сидеть сзади.

– Тебе и не придется. Я могу сесть назад.

– Но если Доротея резко затормозит, сумка влетит мне в спину.

– Хайнц, я никогда резко не торможу, кроме того, можно положить сумку с другой стороны сиденья. Тогда она влетит в мою спину.

– Хорошо.

Он явно успокоился и посмотрел на часы.

– Нам, однако, потребовалось более получаса. Когда редко загружаешь машину, нет практики. Я все делал очень быстро, пока мое бедро было в порядке и мы все время разъезжали. Так, теперь еще раз в туалет – и можем трогаться.

Он направился к дому, Доротея с улыбкой пошла за ним, а я прислонилась к машине и закурила сигарету. И мне было все равно, случится с отцом удар или нет, когда он увидит, что я курю. Я совершенно обессиленна.